

И. В. ТАРАКАНОВ (Ижевск)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УДМУРТСКО-ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Удмуртский народ с древнейших времен вступал в торговые, политические, культурные и экономические контакты со своими иноязычными соседями. Особенно продолжительными были связи с тюркоязычными народностями. По данным археологов¹, приход тюркоязычных гуннов в районы Волго—Камья относится к I—III вв. н. э. С появлением булгар на Средней Волге (VII в. н. э.) контакты приобретают постоянный характер.

Столь продолжительное взаимодействие тюркских и удмуртского языков, особенно в местах их наиболее интенсивного контактирования, привело к сильному взаимопроникновению. Так, в отдельных удмуртских диалектах обнаружено более 2000 тюркских заимствований. В фонетической системе диалектов возникли сходные звуки и звуковые явления, появились заимствованные суффиксы и синтаксические кальки. Во всех диалектах изменился характер словесного ударения. Весьма возможно, что развитие в удмуртском языке сложных глаголов типа *басьтыса ваизы* 'купили', *висьыса кылле* 'болеет', а также обильное употребление отглагольных и деепричастных конструкций обязаны тюркскому влиянию. Другим финно-угорским языкам, за исключением марийского, также испытывавшего сильное влияние тюркских языков, подобные явления не свойственны. Обилие тюркских элементов в лексике и грамматическом строе привлекали внимание исследователей удмуртского языка, первым среди них был Ф. И. Видеман. В предисловии к грамматике удмуртского языка он указал, что «удмуртский язык в результате общения с татарским заимствовал много тюркских слов, а также словесных форм и оборотов».²

В статье, посвященной рассмотрению диалектов удмуртского языка, Видеман отмечает употребление тюркских элементов в речи удмуртов бывшего Бирского уезда и приводит несколько тюркских заимствований, характерных для речи казанских, елабужских и оренбургских удмуртов.³

В грамматике коми языка Видеман приводит еще около 50 тюркских заимствований из казанского, уфимского и елабужского диалектов и анализирует грамматические значения слов с суффиксами *-či*, *-lāk*, *-lā*, *-sāz*, по происхождению тюркских.⁴

На тюркские заимствования в удмуртском языке указал и Буденц. Выявляя татарские и чувашские заимствования в марийском языке, он параллельно привел ряд заимствований из удмуртского языка.⁵

Более двух десятков чувашских заимствований из удмуртского языка как сравнительный материал использованы в словаре Н. И. Золотницкого.⁶ Позднее эти слова

¹ А. Х. Халиков, Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Прикамья. — Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья, Казань 1971, стр. 21.

² F. J. Wiedemann, Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche, Reval 1851, стр. 7.

³ F. J. Wiedemann, Zur Dialektenkunde der wotjakischen Sprache. — Mélanges russes tirés du Bulletin Historico-Philologique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg III, 5e livraison, St.-Petersbourg 1858, стр. 533—555.

⁴ F. J. Wiedemann, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St.-Petersbourg 1884, стр. 71.

⁵ J. Budenz, Cseremisiz tanulmányok. — NyK 3 1864, стр. 397.

⁶ Н. И. Золотницкий, Корневой чувашско-русский словарь, Казань 1875.

и ряд других заимствований (всего 33 лексем) вошли в чувашскую грамматику Н. И. Ашмарина.⁷ Правда, к числу чувашских заимствований он ошибочно отнес и некоторые собственно удмуртские слова, например: *пичи, лап-* (*лапег*), что позднее отметил Ю. Вихманн.

Несколько звукоподражательных и образоподражательных слов, общих для чувашского, удмуртского, марийского и мордовского языков, приведены Ашмариным в других работах.⁸

О тюрко-удмуртских языковых контактах с ограниченным использованием языкового материала писали также этнографы конца XIX в. И. Н. Смирнов и А. Ф. Риттих.⁹ Правда, И. Н. Смирнов несколько недооценивал влияние древнебулгарской культуры и языка на удмуртский язык: «из 100 татарских заимствований лишь 10 слов являются по происхождению чувашскими или представляют собой арабские и персидские заимствования, проникшие через посредство чувашского языка».¹⁰

Более обстоятельный анализ иноязычных слов в удмуртском языке дал Б. Мункачи. В работах, посвященных иноязычным элементам в удмуртском языке¹¹, наряду с индоиранскими и русскими заимствованиями анализируются тюркские (всего 608 слов). В числе чужих языковых элементов в удмуртском языке Мункачи указывает несколько десятков арабско-персидских и около 60 чувашских заимствований.¹²

В списке тюркских заимствований Мункачи имеются и некоторые сомнительные этимологии. Сам он относит к ним такие слова, как *kun* 'царь, государь', *čokmor* 'ботало', *kulto* 'сноп'; *tâs* 'семья', *sugon* 'лук', *majâg* 'кол, колышек', *tasma* 'бантик, тесьма' и т. д. По нашему мнению, *majâg* является по происхождению индоиранским, *tasma* — татарским, остальные, по-видимому, чувашскими.

Шестьдесят одно заимствование из тюркских языков анализирует также Х. Паасонен¹³, который относит к чувашским заимствованиям ряд новых слов, например, *bâzara* 'хорек', *sukman* 'сукно, зипун', *šerâ* 'цевка', *turkkâčo* 'кочерга', *čumon* 'берестяная коробка'.

Большой вклад в изучение тюркских заимствований своим монографическим исследованием внес Ю. Вихманн.¹⁴ Он установил до 151 слова болгарского (чувашского, по Вихманну) происхождения. Ценно в его работе то, что весь этимологический анализ проведен в широком сравнительно-сопоставительном плане с пермскими и тюркскими языками с указанием звукосоответствий чувашского и пермских языков, а также показаны некоторые отличительные признаки чувашских заимствований. Прослеживаются и отдельные звукоизменения, происшедшие в чувашских заимствованиях уже на удмуртской и коми языковой почве, а также осуществлена лексико-семантическая группировка чувашских заимствований и подвергнуты анализу более полутора десятков слов пермского происхождения, вошедших в словарный состав чувашского языка.

⁷ Н. И. Ашмарин, *Материалы для исследований чувашского языка*, Казань 1898, стр. 23.

⁸ Н. И. Ашмарин, *Словарь чувашского языка 1—17*, Казань—Чебоксары 1928—1950; его же, *Подражание в языках Среднего Поволжья*. — *Известия Азербайджанского университета II—IV*, Баку 1926, стр. 38; его же, *О морфологических категориях подражаний в чувашском языке*, Казань 1928.

⁹ И. Н. Смирнов, *Вотяки. Историко-этнографический очерк*. — *Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете VIII*, вып. 2, Казань 1890, стр. 136—151; А. Ф. Риттих, *Вотяки*. — *Материалы для этнографии России. Казанская губерния. XIV*, Казань 1870, стр. 215.

¹⁰ И. Н. Смирнов, указ. раб., стр. 136.

¹¹ B. Munkácsi, *Votják nyelvtanulmányok*. — *NyK XVIII* 1884, стр. 35—155.

¹² B. Munkácsi, *A votják nyelv szótára*, Budapest 1896.

¹³ H. Paasonen, *Votják-török szövegzetetések*. — *NyK XXXII* 1902, стр. 257—270.

¹⁴ Y. Wichmann, *Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen*, Helsingfors 1903 (MSFOu XXI).

Более 130 тюркских заимствований включены Вихманном в удмуртскую хрестоматию с указанием источника заимствования.¹⁵

На обилие тюркских элементов в словарном составе удмуртского языка указывал в 30-е годы П. Андреев, которому удалось обнаружить в удмуртском языке 1000 татарских слов. Из них 200 слов, по его мнению, являются по происхождению арабскими, 50 — персидскими. Для иллюстрации он приводит лишь 10 татарских, 10 персидских и 6 арабских примеров, констатируя, что из 1000 тюркских слов 75% лексем характерны для речи казанских, малмыжских, бугульминских, арских (очевидно, шошминских — *И. Т.*) и башкирских удмуртов.¹⁶

Из других заслуживают внимания работы финских ученых Ю. Тойвонена, Э. Сетяля, Т. Уотилы и М. Рясянена¹⁷, в которых дан этимологический анализ ряда слов тюркского происхождения: *bord* 'стена', *eges* 'обод', *kutširan* 'филин' (Тойвонен), *agai* 'брат', *apaĵ* 'сестра', *kenak* 'тетя' (Сетяля), *umo*, *ulmo* 'яблоко', *kenak* 'тетя' (Уотила), *baŋ*, *bat* 'лицо', *šiglar* 'деверь', *aŋa* 'полоса земли' (Рясянен).

Древнетюркские элементы финно-угорских языков более подробно изучены М. Рясяненом. В его работе представлено более 250 параллелей по различным уральским и алтайским языкам, в том числе несколько десятков удмуртских сопоставлений.¹⁸ Много удмуртских заимствованных лексем приводится им и в этимологическом словаре тюркских языков.¹⁹ Поскольку автор черпал лексический материал по финно-угорским языкам главным образом из исследований Б. Мункачи, Ю. Вихманна, Х. Паасонена, Ю. Тойвонена, З. Гомбоц и других, то более поздние заимствования, особенно татарские, характерные для удмуртского языка, в словаре не нашли своего полного отражения.

Вопросы фонетической адаптации лексических проникновений в пермских языках отражены также в трудах А. И. Емельянова²⁰ и В. Г. Егорова. Опираясь на исследования Вихманна, они отмечают ряд фонетических изменений в чувашских заимствованиях на почве пермских языков. Правда, в работе В. Г. Егорова в отдельных случаях лексические параллели, данные как удмуртский вариант, не совсем точны, ср. *-ымыр* вместо удм. *гумыр*, *гўмыр* 'век', *ерыксыр* вместо *эрыксыз*, *былтыр* вместо *бултыр* 'золотка', *свылык* вместо *сбõлык* 'грех'.²¹ В двух случаях зафиксированы слова, не употребляющиеся в современных диалектах удмуртского языка: это *кэмдэлэ* 'свидетель' и *турто* 'оглобля'.

Фонетическому оформлению болгарских заимствований в удмуртском языке по-

¹⁵ Y. Wichmann, *Wotjakische Chrestomathie mit Glossar*, Helsinki 1954, стр. 43—134.

¹⁶ П. Андреев, *Удмурт кыл пушкын — 1000 бигер кыл*. — *Кенеш*, № 13, Ижевск 1928, стр. 25—36.

¹⁷ Y. H. Toivonen, *Wortgeschichtliche streifzüge*. — FUF XVII 1925, стр. 280—288; Y. H. Toivonen, *Wortgeschichtliche streifzüge*. — FUF XXII 1934, стр. 156—160; E. N. Setälä, I. N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen. — *Auszüge aus den Sitzungsberichten der Finn-ugr. Gesellschaft im J. 1898*. — JSFOu XVII 1900, стр. 168; T. E. Uotila, *Wortgeschichtliches*. — FUF XXIII 1935, стр. 97—102; T. E. Uotila, *Lehnwörter des Permischen*. — JSFOu L11 1943—44, стр. 1—10; M. Räsänen, *Türkische lehnwörter in den permischen sprachen und im tscheremis-sischen*. — FUF XXIII, 1935, стр. 103—104; M. Räsänen, *Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte*. — FUF XXIX 1946, стр. 195.

¹⁸ M. Räsänen, *Ural-altaische Wortforschungen*. — *Studia Orientalia*, 18: 3, Helsinki 1955.

¹⁹ M. Räsänen, *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen*, Helsinki 1969 (LSFU XVII).

²⁰ А. И. Емельянов, *Чуваши и пермские народности*. Пермский краеведческий сборник, Пермь 1924, стр. 32—34.

²¹ В. Г. Егоров, *Введение в изучение чувашского языка*, Москва 1930, стр. 137—138.

священы отдельные исследования, а также попутные высказывания и анализы в работах Э. Итконена, Т. Утилы, Дь. Лако и других исследователей.²²

Чувашско-удмуртские языковые контакты подробно анализировались также в работе М. Р. Федотова²³, выполненной главным образом на основе исследований Ю. Вихманна, В. Егорова и других предшествующих авторов. Подробно описывая исторические предпосылки появления булгар в районе Волго-Камья, М. Р. Федотов отмечает особенности болгарского языка в области гласных и согласных и приводит в виде словаря более 430 чувашских заимствований в пермских языках. Ценность лексикологических исследований М. Р. Федотова в том, что в его словарных статьях приводится большой список тюркских соответствий чувашским словам, заимствованным пермскими языками, а также критически пересматриваются работы предшествующих исследователей по данному вопросу. Слабая сторона его исследования в том, что не проведена четкая грань между чувашскими, татарскими и башкирскими заимствованиями в пермских языках. Иногда к тюркизмам отнесены собственно удмуртские или в фонетическом отношении далекие от тюркского оригинала слова, например, *гѳлтурын* 'метлица луговая', чув. *тилперен* 'белена' (стр. 141), *сир* 'смола, сера', чув. *сухар*, *сохар* в том же значении (стр. 128), обойден вопрос о пермских заимствованиях в чувашском языке, не совсем убедительна попытка возвести общепермскую отрицательную форму повелительного наклонения *эн* 'не' к древнечувашскому *ан* 'не'.²⁴

Несколько десятков древнетюркских и чувашских слов подверг лингвистическому анализу В. И. Лыткин.²⁵ Фонетические изменения тюркских лексических элементов анализированы им в исследованиях, посвященных рассмотрению фонетической системы пермских языков и их истории.²⁶

В последние десятилетия возрос интерес к исследованию результатов взаимовлияния татарского, башкирского языков: появились отдельные статьи и исследования по взаимопроникновению лексических единиц, образованию фонем и фонетических явлений, словообразовательных аффиксов тюркского происхождения, а также по вопросам типологии контактирующих языков. Так, тюркско-удмуртские языковые отношения не раз рассматривались в работах В. И. Алатырева. В его статьях, посвященных истории отдельных слов, этимологизируется большое количество слов (около 50 лексем). Татарские заимствования в удмуртском языке он разбивает по лексико-семантическим группам и поднимает вопрос об их хронологии.²⁷ Отдельные заимст-

²² E. Itkonen, Bemerkungen über den Vokalismus der ersten Silbe von tschuwassischen Lehnwörtern in einigen finnisch-ugrischen Sprachen. — FUF XXXVIII 1970, стр. 257—277; T. E. Uotila, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki 1933 (MSFOu LXV), стр. 12—14, 72—74, 88, 115, 133—134, 152—153, 156, 174, 234, 239—240, 272, 280, 283, 358—359, 366, 381, 390—391, 416, 429; Gy. Lakó, A permi nyelvek szövégi magánhangzói. — NyK XLIX 1935, стр. 141—171.

²³ М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угрофиннов Поволжья и Перми. — Чувашско-марийские связи I, Чебоксары 1965; его же, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими, финно-угорскими языками II, Чебоксары 1968, стр. 84—170.

²⁴ М. Р. Федотов, О генетической соотносимости пермского *эн* и чувашского *ан* в отрицательной форме повелительного наклонения. — СФУ II 1966, стр. 263—266.

²⁵ В. И. Лыткин, О древнетюркских элементах в лексике пермских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск 1967, стр. 132.

²⁶ В. И. Лыткин, указ. раб., стр. 131—142; его же, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964; его же, Историческая грамматика коми языка I. Введение, фонетика, Сыктывкар 1957.

²⁷ В. И. Алатырев, Куд-ог кылъёсэн историзы. — Молот, № 10, Ижевск 1965, стр. 31; его же, Куд-ог кылъёслэн пӧрмемзы но воштыськемзы. — Молот, № 9, Ижевск 1956, стр. 37—38; его же, Из истории слов. — Вопросы удмуртского языкознания I, Ижевск 1959, стр. 47—52, 72; его же, Куд-ог удмурт кылъёслэн кылдэмзы сырьсь. — Молот, № 3, Ижевск 1959, стр. 64; его же, Татарские заимствования в удмуртском языке. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению, Сыктывкар 1965, стр. 3—6.

ования (*kuz, goz* 'пара', *tuš* 'борода', *kual-* 'расколоть') автор пытается возвести к древнетюркской языковой общности.²⁸ Ряд статей посвящен истории и грамматическим значениям суффиксов *-či, -lāk, -lā.*²⁹

Фонетические и лексические своеобразия тюркских заимствований рассматриваются в некоторых статьях и исследованиях автора данного обзора. Им анализировались такие фонетические явления тюркских заимствований бавлинского диалекта удмуртского языка, как прогрессивная ассимиляция гласных по лабиализации, озвончение глухих согласных в интервокальном положении, элизия на стыке словосочетаний, сохранение в фонетической системе периферийных говоров праудмуртского велярного *ŋ*, субституция специфических звуков чувашского, татарского и башкирского языков с соответствующими звуками удмуртского языка и различные звукопереходы уже на удмуртской языковой почве.³⁰ Кроме того, в работах лексикологического характера приведены соотносительные синонимические и омонимические пары, среди которых есть и слова тюркского происхождения.³¹

Значительную работу по выявлению и анализу татарских элементов в удмуртском языке проделал В. К. Кельмаков. Его наблюдения представляют интерес, так как тюркизмы рассматриваются им с точки зрения их фонетической и грамматической адаптации, попутно выявляются их лексическое и грамматическое значения, показывается их первоначальная форма в языке-источнике. Он доказывает, что под влиянием фонетической системы татарского языка в кукморском диалекте появился ряд новых фонетических особенностей. К ним, в частности, относится появление новой фонемы *ā* и использование варианта смычных согласных ' (гамзы), а также переход начального (анлаутного) *j > ğ*, передвижение артикуляции среднерядного *i* в задний ряд *ä*.³² Кроме того, он занимался и словообразовательными и формообразовательными аффиксами тюркского происхождения (*-kaj, -lā, -lāk, -la, -lan, -či, -dār, -sāz, -ñerge*), а также показаны грамматические средства, использующиеся для выражения пространственных и иных отношений. Определенный интерес представляет разбор тюркских моделей, образующих сложные и составные глаголы в удмуртском языке. В одной из статей В. Кельмакова показано влияние татарского языка на развитие абстрактной лексики кукморского диалекта.³³

²⁸ В. И. Алатырев, О финском *kansa* и пермском *kuz, goz*. — СФУ I 1965, стр. 269—272; его же, Из пермской этимологии. — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск 1967, стр. 42—51.

²⁹ В. И. Алатырев, Качественные имена на *-лы* в удмуртском языке. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора, вып. 18, Ижевск 1957, стр. 145—159; его же, Суффикс *-чи* и его история в удмуртском языке. — Вопросы удмуртского языкознания I, Ижевск 1959, стр. 140—166.

³⁰ И. В. Тараканов, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных), Тарту 1958 (канд. дисс., рукоп.); его же, К вопросу истории развития неслогового *ŋ* в удмуртском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания (грамматика, лексикология), Москва—Ленинград 1964, стр. 82.

³¹ И. В. Тараканов, Об употреблении и значении некоторых диалектных слов в удмуртском языке. — СФУ III 1967, стр. 118—120; его же, Удмурт лексика очеркъёс, Ижевск 1971, стр. 25, 29—36, 47—50; его же, Лексические синонимы в удмуртском языке. — Вопросы удмуртского языкознания II, Ижевск 1973, стр. 183—188.

³² В. Кельмаков, Кукморский диалект удмуртского языка, Москва 1969 (канд. дисс., рукоп.); его же, О некоторых специфических фонемах кукморского диалекта удмуртского языка. — СФУ IV 1968, стр. 195; его же, Некоторые особенности словообразования имен прилагательных в кукморском диалекте удмуртского языка. — СФУ V 1969, стр. 134—136.

³³ В. К. Кельмаков, Роль татарского языка в развитии абстрактной лексики кукморского диалекта удмуртского языка. — Всесоюзная конференция по финно-угроведению, Сыктывкар 1965, стр. 53—55.

Термины родства, личные имена, фамилии, топонимы тюркского происхождения, а также отдельные фонетические явления ареального характера рассматриваются Т. И. Тепляшиной.³⁴

Интересны наблюдения С. В. Соколова о тюркских названиях животных и птиц.³⁵

По тюркским заимствованиям закамских говоров удмуртского языка весьма обширный материал представил Р. Ш. Насибуллин. В его исследованиях анализируются фонетические и морфологические своеобразия тюркизмов, а в диалектологическом словаре, составленном как приложение к кандидатской диссертации, указываются источники большого количества заимствованных лексем.³⁶

О лексических связях башкирского, чувашского языков и диалектов с финно-угорскими языками, в том числе с удмуртским, писали Н. Х. Ишбулатов, Н. Х. Максютова, В. Г. Егоров и другие.³⁷ Влиянию удмуртского языка на словарный состав глазовских татар посвящена статья Н. Б. Бургановой.³⁸

Интенсивное взаимодействие татарского и удмуртского языков привело к появлению ряда общих черт и в области морфологии и синтаксиса. Из финно-угроведов первыми отметили это Э. Беке и Д. Фокош-Фукс. Выявляя общие черты синтаксиса финно-угорских и тюркских языков, Беке³⁹ насчитал более 20 совершенно однотипных

³⁴ Т. И. Тепляшина, Тюркские элементы в терминах родства удмуртов Башкирии. — Башкирская лексика. Тематический сборник, Уфа 1966, стр. 103—115; ее же, Термины родства у удмуртов, проживающих в Башкирии. — СФУ V 1969, стр. 127—131; ее же, Древние бесермянские фамилии. — Вопросы тюркологии, Казань 1970, стр. 124—133; ее же, Тюркизмы в бесермянской терминологии родства. — Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР), Саранск 1972, стр. 28; ее же, Бесермянские термины, выражающие понятия 'мать' и 'отец'. — СФУ II 1966, стр. 51—57; ее же, Заметки по фонетике бесермянских личных имен. — Ономастика, Москва 1969, стр. 112—124; ее же, О терминах родства у бесермян. — Тезисы и сообщения к Всесоюзной конференции по вопросам финно-угорского языкознания, Ужгород 1963, стр. 47—57; ее же, Язык бесермян, Москва 1970; ее же, Антропонимия бавлинских удмуртов, — СФУ VIII 1972, стр. 47—57; ее же, Об одном волжско-камском ареальном явлении. — Советская тюркология, № 3, Баку 1973, стр. 35—40; ее же, Подмена шипящих звуков свистящими в языках Волго-Камья. — СФУ VII 1971, стр. 5—12.

³⁵ С. В. Соколов, Некоторые названия животных и птиц в удмуртском языке. — Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора, вып. 21, Ижевск 1970, стр. 145—152; его же, Этимологии некоторых названий птиц в удмуртском языке. — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск 1967, стр. 189—195; его же, Названия птиц в удмуртском языке, Тарту 1973 (автореферат канд. дисс.), стр. 7—8.

³⁶ Р. Ш. Насибуллин, Закамские говоры удмуртского языка. Тарту 1973 (канд. дисс., рукоп.); его же, Суффикс *-l̥ək̆* в говорах удмуртов Закамья. — Историко-типологические исследования (на материале разных систем), Москва 1972, стр. 130—139; его же, К вопросу о происхождении новых фонем (по материалам удмуртских диалектов). — Вопросы советского финно-угроведения. Языкознание. (Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению, посвященной 50-летию образования СССР), Саранск 1972, стр. 49—51; его же, Некоторые названия флоры в языке закамских удмуртов (материалы). — Вопросы удмуртского языкознания 2, Ижевск 1973, стр. 152—162.

³⁷ Н. Х. Ишбулатов, Лексические связи башкирского языка и его диалектов с финно-угорскими языками (материалы). — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск 1967, стр. 101—103; Н. Х. Максютова, Общие корни башкирского и удмуртского языков (материалы). — Вопросы финно-угорского языкознания IV, Ижевск 1967, стр. 149—162; В. Г. Егоров, Словарный состав современного чувашского литературного языка. — Записки Чувашского научно-исследовательского института VIII, Чебоксары 1953, стр. 82—148.

³⁸ Н. Б. Бурганова, Удмуртские заимствования в татарском языке. — Всесоюзная конференция по финно-угорскому языкознанию (тезисы к докладам и некоторые доклады), Ижевск 1967, стр. 1—5.

³⁹ Ö. Beke, Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen. — KSz XV 1914—1915, стр. 137.

синтаксических явлений. В 16 случаях употребление удмуртских синтаксических конструкций почти полностью совпадает с соответствующими синтагмами татарского языка. По мнению автора, они появились под влиянием синтаксических конструкций тюркских языков. Большое количество сходных синтаксических черт (до 73 явлений) финно-угорских и тюркских языков отмечены в работах Фокоша-Фукса.⁴⁰

Вопрос о взаимодействии удмуртского и татарского языков не раз ставился в трудах Б. А. Серебrenникова. В своих исследованиях структурно-типологического плана он обнаружил ряд дополнительных сходных черт в грамматической системе, особенно в видо-временной системе глаголов двух неродственных контактирующих языков.⁴¹

Вопросы, связанные с языковой интерференцией в уральских языках, нашли свое отражение в обобщающей статье В. Таули⁴², где на материале финно-угорских и урало-алтайских языков показаны сходные языковые явления на морфологическом и синтаксическом уровнях системы языка. Правда, примеров непосредственно из удмуртского языка он не приводит.

Несмотря на обилие литературы в этой области есть еще много невыясненных и нерешенных вопросов. В настоящее время есть настоятельная необходимость глубже изучить типы языковых контактов на разных уровнях структуры контактирующих языков. Среди них первостепенной является морфологическое исследование татарско-удмуртских и башкирско-удмуртских языковых отношений и прежде всего выявление лексических заимствований и установление звукосоответствий татарского, башкирского и удмуртского языков. Немаловажны также установление объема лексических значений, сферы их употребления и определение их места в словарном составе удмуртского литературного языка.

Типологическое же изучение тюркских и удмуртского языков, т. е. учет тех вторичных черт типологического сходства между контактирующими языками, даст возможность осветить механизм языковой интерференции.

⁴⁰ D. R. Fokos, Übereinstimmungen in der syntax der finnisch-ugrischen und türkischen sprachen. — FUF XXIV 1937, стр. 292—322; D. R. Fokos-Fuchs, A finnugor és a török mondat ősi sajátságai (Finnugor-török mondatvani egyezések), Budapest 1941; D. R. Fokos, Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft. Wiesbaden 1962.

⁴¹ Б. А. Серебrenников, Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва 1960, стр. 265—269; его же, О взаимодействии языков. — ВЯ 1955, № 1; его же, Проблема субстрата. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, № 9, Москва 1956, стр. 37—41; его же, Об одном тюркизме в финно-угорских языках Волго-Камья. — СФУ VII 1971, стр. 187—191.

⁴² В. Таули, О внешних контактах уральских языков. — Новое в лингвистике VI, Москва 1972, стр. 419—446.